

Внимание всех изучающих историю русской этнографической науки, а также этнографию казахов привлекает статья Э. А. Масанова «Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 года» (т. 6, стр. 215—245). Обзор работ приводит автора к справедливому выводу о том, что в трудах русских ученых того времени накопился значительный этнографический материал, без которого наука не может обойтись, и что в конце XVIII в. русские ученые уже перешли от простого собирательства к исследованию казахского этнографического материала (стр. 245).

Рассмотренные исследования казахстанских этнографов охватывают различные области истории, культуры и быта казахского народа и представляют большой интерес для этнографической науки. В связи с этим желательнее сопровождать статьи, публикуемые на казахском языке, кратким резюме на русском.

Б. Кармышева, Е. Махова

С. Ш. Гаджиева. *Кумыки*. Историко-этнографическое исследование, М., 1961, 384 стр.

Рецензируемая книга представляет собой историко-этнографическую монографию об одном из наиболее многочисленных народов Дагестана — о кумыках. Объем книги — около 25 печатных листов; язык ее, как правило, точен и выразителен. Текст книги проникнут идеей интернационализма, братской дружбы кумыков с другими народами Дагестана, Северного Кавказа, с русскими, азербайджанцами. Монография основана на большом полевом материале автора, собранном во время многочисленных этнографических поездок в районы Дагестанской АССР, населенные кумыками. Автор — кумычка, хорошо знает жизнь своего народа. Нам кажется излишне краткой характеристика автором книги своих полевых материалов. Об этом сказано только одна фраза. Помимо разносторонних и достоверных полевых материалов, книга базируется также на большом, хорошо проанализированном литературном материале.

Основным главам книги предшествует введение, содержащее подробный обзор литературных источников. Скромно названная первая глава книги «Краткий очерк истории кумыков» на самом деле является глубоким исследованием истории этого народа. В главе использованы многочисленные сведения древних и средневековых авторов, сочинения русских дореволюционных и западноевропейских путешественников и ученых и светских этнографов, археологов, историков, лингвистов, антропологов.

Из имеющихся у нас незначительных возражений автору по этой главе приведем следующее. Пожалуй, в заключении раздела об этногенезе недостаточно подчеркнута роль тюркских элементов в этногенезе кумыков. Между тем, при изложении материала автор сама убедительно показала значительную роль тюркского элемента в исторической судьбе ныне тюркоязычного народа — кумыков.

Вторая глава — «Социально-экономические отношения и политический строй в первой половине XIX в.» — самая большая по объему. Половина ее представляет собой интересное этнографическое исследование хозяйства кумыков. В разделе «Хозяйство», богато иллюстрированном, в основном приводятся новые, не повторяющие прежних изданий автора, иллюстрации.

Недостатком главы является то, что описание сельскохозяйственных орудий и иллюстрации их даны в разных местах. Так, вначале в разделе «Земледелие» (стр. 62—70) приводятся иллюстрации кумыкского плуга «сабан» (стр. 64), типов легкого пахотного орудия «пурус» (стр. 65), старого способа боронования (стр. 67), таблицы сельскохозяйственных орудий (стр. 68), молотильной доски (стр. 69), а затем более чем через 20 страниц дается их описание с отсылками, естественно, на 20 страниц назад к соответствующим иллюстрациям (стр. 91). Такое построение неудобно для восприятия.

Вызывают возражение некоторые формулировки. Так, на стр. 66 говорится об охроне полей после осеннего сева; названы эти поля «общественными посевами», что вызывает понятное недоумение у читателя. Нам думается, нельзя назвать узорчатый войлок «войлочным паласом» (стр. 76), так как палас — это тканое изделие, а войлок — валяное.

В описании красящих веществ, применявшихся в прошлом у кумыков для окраски пряжи, названия растений приводятся то по-кумыкски, то по-русски. Между тем, документально зафиксированными для этнографии были бы только научные латинские наименования растений. Кроме того, встречаются такие неточные фразы, как, например, «Краски красную и бордо получали из марены в сочетании с некоторыми другими (какими? — А. Т.) растениями; коричневую — из коры алычи, ореха, дуба и некоторых (каких? — А. Т.) листьев» (стр. 84).

Автор избежал довольно распространенной ошибки: он не называет пахотное орудие более простого типа, чем плуг, сохой, тогда как это орудие является по своему типу ралом, а называет его просто «легким пахотным орудием» (стр. 65, 90). К сожалению, в следующей главе автор некритично приводит цитату из книги конца XIX в. о применении в сельском хозяйстве в горах исключительно сохи (стр. 163), тогда как сохи на Кавказе вообще не было, а было рало.

Третья глава — «Кумыки во второй половине XIX и начале XX в.» невелика по объему и имеет более исторический, чем этнографический характер. В главе, с привлечением богатого архивного материала, глубоко разрабатываются вопросы истории ликвидации ханской власти, крестьянской реформы 1865—1867 гг., развития экономики кумыков во второй половине XIX и начале XX в. Возражения у нас вызывают лишь немногие положения автора. Так, в разделе «Крестьянская реформа 1865—1867 гг.» речь идет в основном о ликвидации у кумыков крепостного права и крепостнических отношений, однако автор много и упорно говорит о ликвидации и ограничении именно рабства (стр. 153, 154, 158, 159, 160). А сорока страницами выше автор пишет, что уже в первой половине XIX в. в Дагестане рабство было пережиточным явлением и число рабов было сравнительно невелико. Рабство было в основном домашним (стр. 116).

Далее приходится остановиться на некотором цифровом материале и его анализе в книге. В последнем разделе («Развитие экономики кумыков во второй половине XIX и начале XX в.») рассматриваемой главы на стр. 177 приводится таблица, характеризующая значение города Петровска (ныне Махачкала) как порта. При внимательном анализе приводимых цифр обнаруживаем, что таблица не убедительна для показа роста значения города как порта, так как в приведенные в таблице годы было и сокращение числа судов и привоза и особенно вывоза товаров (в рублях). Следующие за рассмотренной таблицей фразы по смыслу как будто бы продолжают материалы таблицы, однако содержат не сравнимые с таблицей данные о ввозе и вывозе через Петровск товаров в пудах (стр. 178). Поэтому мало убедительным кажется следующий затем вывод: «Как видно из приведенных цифр, из года в год (правда, с отклонением) растет портовое и экономическое значение города» (стр. 178). Именно отклонения так велики, что перерастают в правило, и цифры не подтверждают вывода.

Четвертая глава «Материальная культура» и пятая глава «Семейный и общественный быт» построены в основном на полевых материалах автора. Несмотря на то, что автор уже опубликовал ранее отдельную книгу «Материальная культура кумыков XIX—XX вв.» (Махачкала, 1960), глава «Материальная культура» написана по-новому, с привлечением новых материалов. Достижением этой главы считает удачное изложение и анализ материала по жилищу. Встречающаяся в главе порою некоторая излишняя краткость вызвана очевидным стремлением автора избежать повторения ранее изданной книги.

Глава вызывает ряд мелких замечаний. Во-первых, нам кажется неправомерным объяснять наличие двускатной крыши у засулакских кумыков отсутствием у них доброкачественного леса. Ведь на плоскую крышу нужно ничуть не больше леса, на ее постройку идет как раз самый плохой материал — горбыли, жерди, а на засыпку — земля, глина. Раздел «Украшения» было бы лучше озаглавить «Украшения и косметика», так как рассмотрению последней уделено почти столько же места, как и описанию украшений.

В разделе «Пища» почти единственным отражением классовой дифференциации кумыков является короткий абзац, где говорится о том, что большинство населения имело возможность употреблять мясо далеко не каждый день (стр. 243). Кстати, далее автор противоречит себе: «Из всего вышесказанного видно, что кумыки, как и все народы Дагестана, употребляли больше всего мясную и молочную пищу. Достаточно отметить, что далеко неполный перечень блюд, приведенный нами, показывает, что наиболее разнообразны были именно мясные и молочные блюда» (стр. 250).

Наконец, в стилистическом отношении кажутся неудачными выражения: «продукты питания» — в смысле «продовольственные продукты» (стр. 222, 242) и употребленные термин «соус» в смысле второго блюда из мяса, картофеля и т. п. (стр. 245). На наш взгляд, этнографу лучше отказаться от этого термина в его бытовом смысле.

В пятой главе автор использует интересный этнографический материал, в частности материал о семейной общине. Тяжелое положение женщины кумычки и в большой, и в малой семье дореволюционного Дагестана освещено полно и разносторонне¹. Заметное место занимает в книге рассмотрение обрядов, связанных с рождением ребенка. Это пополняет мало разработанную область этнографии Кавказа.

Вместе с тем в главе есть, на наш взгляд, некоторые сомнительные положения. Так, неточно говорится об имуществе, получаемом женщиной при разводе. В книге говорится, что «женщина получала все, что она привезла из родительского дома, и, кроме того, плату, полученную ею при вступлении в брак» (стр. 258). Согласно положениям шариата, женщина при вступлении в брак не получала платы, а сумму этой платы лишь оговаривали в брачном контракте на случай развода по инициативе мужа или в случае его смерти.

Шестая глава — «Культура и народное образование» — посвящена вопросам как этнографическим (религиозные верования, народная медицина и лечебная магия), так и смежным с этнографией (народное образование, устное народное творчество, литература). И эта глава отличается обилием интересного материала. Автор убедительно

¹ Этот вопрос рассматривается автором также в популярной книге: С. Ш. Гаджиева, А. Г. Мелешко, Женщины Советского Дагестана, Махачкала, 1960.

рисует картину бедственного состояния народного образования в дореволюционной Кумыкии, богато иллюстрирует выразительными примерами устное народное творчество кумыков и дает полную характеристику литературы. Позволил себе сделать следующие критические замечания. Излишне идеализированы доисламские языческие верования и обряды кумыков — автор называет их «чисто народными» (стр. 322). Думаем, что хотя они и действительно были менее канонизированы, чем исламские верования, но от этого они еще не становились «народными». И языческие верования всегда были объективно против народа. Другое дело, что народ иногда искал и находил возможность превратить те или иные религиозные обряды в народные игры.

В целом интересные материалы раздела «Религиозные верования» изложены без должного анализа, и весь раздел кончается несколько неожиданно и незавершенно.

Наконец, седьмая глава — «Социалистические преобразования» — одна из самых маленьких по объему, но весьма серьезная по своему значению в книге. Здесь нам придется снова вернуться к вопросу о структуре книги. Очевидно, возможно двоякое отношение к такого рода структуре, когда каждое явление культуры в широком смысле слова рассматривается вначале с древнейших времен до Октябрьской революции, а затем в отдельной главе собраны все изменения, произошедшие после революции. Нам кажется такой порядок изложения мало приемлемым. На этом пути очень трудно избежать повторений или изложения вопроса не в том месте, где требует структура работы, и, самое главное, изложение материала по послереволюционному периоду неизбежно будет более кратким, так как не может одна глава быть равной по объему всем другим главам книги. В рецензируемой книге опасность повторения и нарушения структуры успешно преодолена. Это еще раз доказывает, что автор полностью владеет большим материалом и прекрасно умеет обращаться с ним. Но краткость главы вызывает сожаление, тем более, что у автора безусловно имеется в запасе богатый материал по советскому периоду.

Этой завершающей главой о социалистических преобразованиях у кумыков заканчивается книга, в которой дано обобщенное и наиболее полное историко-этнографическое исследование об одном из народов Дагестана с древнейших времен до наших дней. Наши критические замечания касаются лишь немногих положений большой и интересной книги, являющейся ценным вкладом в этнографическую науку.

А. Трофимова

Исторические предания и рассказы якутов. Издание подготовил Г. У. Эргис. Под редакцией А. А. Попова. М.—Л., 1960, ч. 1—322 стр., ч. 2—359 стр.

Исторические предания и легенды как самостоятельный жанр фольклора изучены крайне недостаточно. Между тем эта обширная область устного народного творчества, отражающая исторические события, вернее — отношение народа к этим событиям, представляет несомненный интерес как для фольклористов, так и для историков и этнографов. В этом аспекте заслуживают особого внимания два тома исторических преданий и рассказов якутов, изданных Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Это — первое фундаментальное академическое издание якутского исторического фольклора.

Включенные в это собрание произведения представляют собой не только художественную ценность, но являются своеобразным историческим и этнографическим источником для освещения ранних этапов истории бесписьменного в прошлом якутского народа. Предания якутов о переселении их предков на Лену с юга уже в XVIII в. послужили основанием для гипотезы о южном происхождении якутского народа¹. Якутские исторические предания и в наше время широко привлекаются для реконструкции истории Ленского края². Однако сами тексты, на основании которых историки строили свои выводы, в значительной степени оставались недоступными не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Рецензируемое издание восполняет этот пробел. Оно состоит из текстов и переводов преданий и исторических рассказов, расположенных (насколько это возможно) в хронологическом порядке. Тексты паспортизованы, снабжены подробными примечаниями, схемами родословий. Карта расселения якутов в XVII в. и указатели облегчают пользование материалом. Текстам предпослана содержательная вводная статья составителя — Г. У. Эргиса.

В первой части помещены предания, отражающие жизнь якутов до прихода русских на Лену. Материалы разбиты на четыре раздела. В разделе I («Переселение на

¹ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М., 1937, стр. 183.

² С. А. Токарев, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., М., 1945; А. П. Окладников, Из истории общественных отношений у якутов в XVII в. (Легенды о Тыгине и историческая действительность), «Сов. этнография», 1949, № 2; его же, Якутия до присоединения к Русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955.